

Институт славяноведения РАН
Центр лингвокультурных исследований «BALCANICA»

ПЕРЕХОДЫ. ПЕРЕМЕНЫ. ПРЕВРАЩЕНИЯ

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ 10

ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ

31 МАРТА — 2 АПРЕЛЯ 2009 ГОДА

МОСКВА

Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН
 «Текст во взаимодействии с социокультурной средой:
 Уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»,
 проект «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве:
 балкано-балто-славика»

Редколлегия:

И. А. Седакова (отв. ред.), М. М. Макарецев, С. А. Сиднева,
 Т. В. Цивьян

Переходы. Перемены. Превращения. — М., 2009. — 192 с.
 (Балканские чтения 10. Тезисы и материалы.)

- © Институт славяноведения РАН.
 Центр лингвокультурных исследований
 «Balkanica», 2009
 © Коллектив авторов, 2009

Вяч. В. Иванов (Москва–Лос-Анджелес) Инициация как универсальный ритуал перехода	6
К. Ђолакова (Скопје) Четыре обрасци на преобразбеност	7
Т. М. Николаева (Москва) Переходы, превращения и возвращения Татьяны и античные реминисценции	15
Л. И. Акимова (Москва) Всадник, собака и птица. О смысле одной изобразительной формулы	22
Н. В. Злыднева (Москва) К семантике парных изображений в балканских надгробьях	28
Н. В. Брагинская (Москва) Обычное и странное в инициации Асенет	34
Т. Ф. Теперик (Москва) «Ритуал» после сновидения: поэтика композиции (греческий и римский эпос)	38
Е. Г. Рабинович (Санкт-Петербург) Марафонские предания	43
М. Евзлин (Мадрид) Миф о Эдипе в свете <i>les rites de passage</i>	47
С. Б. Ильинская (Афины) Трансформация античного мифа в «четвертом измерении» Янниса Рицоса	52
А. А. Новохатько (Фрейбург) «Обряды перехода» в мифе об Ифигении: Какояннис интерпретирует Еврипида	58
А. И. Фалилеев (Санкт-Петербург–Абериствит) Знаки перемен: топонимы на <i>-dunum</i> на античной карте Балкан	62
А. Ю. Русаков (Санкт-Петербург) О границах и переходах на лингвистической карте Албании. (Некоторые размышления над первым томом «Диалектологического атласа албанского языка»)	66

ON SPEAKING TERMS:
THE BALKAN LINGUISTIC LEAGUE
IN MACEDONIA TODAY

The Republic of Macedonia is also home to representative dialects of every language in the Balkan linguistic league. What we find in Macedonia in general and in Skopje in particular is a complex interaction of factors evidencing the continuation of Balkan linguistic practices a century after Ottoman Turkey ceased to provide the political framework in which they originally occurred.

Already at the first International Congress of the Association for Southeast European Studies (AIESEE) in Sofia in 1966, one of the plenary papers made the claim that the Balkan sprachbund is '*une fiction qui n'est perceptible que de très loin*' and that the commonalities are '*tout à fait inorganiques et superficielles*' (Andriotis and Kourmouli 1968). Another challenge to the notion of a Balkan sprachbund was launched repeatedly at the eighth AIESEE congress in Tirana in 2004, where many of the papers pointed out that the division of the Balkans into nation states during the nineteenth and twentieth centuries has eliminated the conditions that led to the formation of the Balkan sprachbund, and, moreover, that English and other West European languages have replaced Turkish and other local languages in Balkan multilingualism. To the first claim, we can note that Balkan linguistic diversity occurs within the context of a set of structural similarities that comprise a framework of contact-induced change. Especially important here is the distinction between 'superficial' and 'surface', since it is precisely at the surface level that contact-induced change takes place. To the second, it is necessary to respond that while the homogenizing and hegemonizing linguistic practices of various nation-states have reduced traditional Balkan linguistic contact, the phenomenon as it has long been studied is still alive and well at the local level, especially in the Republic of Macedonia, which is the only nation-state in the Balkans whose constitution names speakers of languages other than that of the eponymous nation-state (viz., Albanian, Turkish, Vlah, Romani, Serbian, Bosnian).

In the course of my current research, I have identified a variety of linguistic phenomena that point to the continuation of Balkan linguistic processes in the Republic of Macedonia. The first, and perhaps most important, is the continuation of dialectal practices in the face of universal and higher education in standard lan-

guages. While a great deal of recent Balkan linguistic research has relied on standard languages — which standards were at most inchoate at the time the Balkan linguistic league was first identified and studied — which have all made efforts at erasing evidence of their common Balkan heritage (the elimination or stylistic lowering of shared lexicon, restrictions or attempts at restrictions on shared morpho-syntactic features, etc.), the processes taking place in Skopje and elsewhere in Macedonia today show that non-standard dialects are alive and well and still influential. The use of double prepositions in colloquial Macedonian, e. g. *za na doktor* 'for the doctor's', *za vo ponedelnik* 'for on Monday', *od vo kupatilo* 'out from inside the bathroom', while not sanctioned by the norm, is increasing in frequency, especially in the Ohrid dialect, with its significant Aromanian substratum, and, owing to Ohrid's specific prestige as a site of both historical memory and modern tourism as well as the fierce pride of its natives, the innovation is spreading north and east along the same routes that were followed, e. g., by the perfect in *ima* in the past few centuries. In contact between Albanian and Macedonian in Skopje, particularly noteworthy are the large number of Macedonian lexical items in local Albanian, on the one hand, and the influence of Albanian phonology and morphosyntax on localized Macedonian, on the other. Thus, for example, native Macedonian-speakers from neighborhoods with Albanian majorities tend to adopt Albanian phonotactics in their Macedonian (e. g., stress on the final syllable of the stem rather than the antepenultimate syllable of the word). On a broader level, the Albanian vocative particle *O*, as in *O Toni!* 'Hey, Tony!', is spreading throughout Skopje, where the synthetic vocative, as in the rest of Balkan Slavic, has become more restricted in urban dialects owing to its association with rudeness or rurality. In the case of local Turkish, of particular interest is the apparent influence among trilingual Macedonian-Albanian-Turkish speakers with Albanian dominance to calque from Macedonian rather than Albanian when speaking Turkish. For Romani, an interesting boundary setting feature is the deployment of Macedonian loanwords and codeswitches, e. g. Arli *jekh čaša rakija* Bugurdži *jekh tahtaj rakija* 'a glass of brandy'. As an old loanword (probably Persian), *tahtaj* is native Romani vis-à-vis an adoption from a current contact language, *čaša*, which is Macedonian. Nonetheless, Arli speakers perceive *čaša* as 'their' word and prefer the loan or codeswitch to the older word despite the general valorization of older words in Romani linguistic practice and ideology. This is connected with modern factors such as standardization, which favors Arli as the majority dialect and which has reversed older prestige relations.

Thus, we can say that despite the fragmenting effects of the rise of the nation-state, the homogenizing effects of standardization, and the hegemonizing ef-

fects of the global market and international politics, local Balkan multilingualism continues the development of Balkanisms in the Balkan languages.

References

Andriotis, N. P. and G. Kourmoulis. 1968. Questions de la linguistique balkanique et l'apport de la langue grecque. *Actes du Premier Congrès International des Études Balkaniques et Sud-est Européens 6*, ed. by I. Gălăbov et al., 21–30. Sofia.

A. A. Новик (Санкт-Петербург)

ТРАНСФОРМАЦИИ В САМОСОЗНАНИИ МАКЕДОНЦЕВ-МУСУЛЬМАН В АЛБАНИИ: МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕДИЦИИ 2008 г.

В сентябре 2008 г. состоялась научная поездка на северо-восток Албании, в албанско-македонское пограничье. Данный экспедиционный проект представляет собой этап взаимного сотрудничества МАЭ РАН и Австрийской Академии наук в плане изучения Балкан. В экспедиции приняли участие автор данной статьи и А. Н. Соболев (г. Вена).

Цели работы — сбор и анализ полевых материалов лингвистического, этнолингвистического, этнографического, исторического, фольклорного характера в районе совместного проживания различных групп албанского, македонского, греческого, арумунского этносов.

Албанско-македонское пограничье представляет собой исключительно важный регион для этнографических, этнолингвистических и социолингвистических исследований. В данном регионе проживают албанцы (мусульмане, христиане католики и православные), македонцы (православные и мусульмане), цыгане (мусульмане), влахи (православные). Полиэтнический и поликонфессиональный состав населения определил сложность социальных и культурных процессов, происходящих в северо-восточных районах Албании и в Западной Македонии. Дополнительную нестабильность региону придает политическая неурегулированность, вызванная дезинтеграцией бывшей СФРЮ и сменой общественного режима в Албании.

В докладе речь пойдет о проблеме самосознания македонцев-мусульман на основании собранных в 2008 г. материалов. Необходимо сразу отметить, что данная публикация является одной из первых в ряду запланированных автором, а потому включает лишь предварительные наблюдения, детальный анализ зафиксированных явлений остается для дальнейших исследований.

Местность, в которой проходила экспедиция, представляет собой высокогорный район, в котором разбросаны на территории Албании славянские поселения. По-албански район называется *Голоборда (Gollobordë)*, есть и другие варианты: *Голоберда, Голэберда*. По-македонски название звучит соответственно: *Голобордо, Голобырдо, Голобрдо*.

Число македонцев-мусульман в данном регионе Албании насчитывает порядка нескольких тысяч. Привести более точные данные пока затруднительно. Официально Албания очень долго постулировала лозунг, что она является моноэтнической страной, чуть ли не единственной моноэтнической страной Европы. Соответственно утверждалось, что в Албании живут только албанцы. В дальнейшем, не в последнюю очередь под влиянием Евросоюза, стать членом которого желает эта балканская страна, отношение к национальным меньшинствам изменилось. Албания признает, согласно государственному закону, наличие этнических меньшинств, в том числе и македонского. Но чаще всего, когда речь заходит о македонцах, подразумеваются православные македонцы, живущие в районе озер Большая и Малая Преспа. Македонцы-мусульмане, проживающие в Голоборде, остаются каким-то образом в тени общественного интереса. В научном сообществе существование этой группы македонцев вообще вызывает неподдельный интерес ввиду практически полного отсутствия сведений и научного описания.

Вопрос этнической идентичности македонцев-мусульман заслуживает особого внимания, так как в ходе работы экспедиции нам пришлось столкнуться не с одним и не с двумя этнонимами. Среди самоназваний мы услышали следующие варианты: *македонцы, мусульмане, турки, наши*. Вопрос самоидентификации в этом регионе очень сложный. С одной стороны, македонцы-мусульмане четко осознают свою связанность с соседним македонским этническим ареалом — государственная граница расположена совсем рядом. Территория Голоборды в этническом плане представляет собой продолжение западно-македонской территории. С другой стороны, в соседней Македонии македонское население в своем подавляющем большинстве исповедует христианство в форме православия. Поэтому и возникает некоторое сомнение при этническом самоопределении. С другой стороны, этноним